СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.12

Правильная ссылка на статью:
Сибирев В. А., Головин Н. А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296—315. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12.
For citation:
Sibirev V. A., Golovin N. A. (2020) Intergenerational Differences in Life Satisfaction and a Feeling of Happiness in Russia (Based on the European Social Survey Data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 1. P. 296—315. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12.

В. А. Сибирев, Н. А. Головин

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И ЧУВСТВЕ СЧАСТЬЯ В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И ЧУВСТВЕ СЧАСТЬЯ В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

СИБИРЕВ Владимир Анатольевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: v.sibirev@spbu.ru
http://orcid.org/0000-0002-3595-2349

INTERGENERATIONAL DIFFERENCES IN LIFE SATISFACTION AND A FEELING OF HAPPINESS IN RUSSIA (BASED ON THE EUROPEAN SOCIAL SURVEY DATA)

Vladimir A. SIBIREV[1] — Cand. Sci. (Economics), Assistant Professor at the Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology
E-MAIL: v.sibirev@spbu.ru
http://orcid.org/0000-0002-3595-2349

[1] Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ГОЛОВИН Николай Александрович — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: n.golovin@spbu.ru
https://orcid.org/0000-0002-3595-2349

Аннотация. Проводится дифференциация опыта социализации в молодости четырех условных поколений, а также разделение эффектов социализации, связанных с принадлежностью к определенной совокупности возрастных групп и факторов исторического периода. Используются наиболее полные по сравнению с другими исследованиями эмпирические данные о показателях счастья и удовлетворенности жизнью в России из Европейского социального исследования — сравнительного межстранового мониторинга. К ним применяются количественные методы регрессионного анализа пространственно-временных выборок. Полученные результаты сопоставляются с итогами исследования субъективного благополучия и счастья, проведенного Лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ на основе данных Всемирного мониторинга ценностей; а также с итогами Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ; данными ВЦИОМ и других исследований, что повышает надежность полученных результатов. Поколения X (кризисная социализация) и Y (вторичная социализация в 2000—2014 гг.), а также предположительно формирующееся поколение Z (молодежь, вторичная социализация которой приходится на политически знаменательный 2014 г. и последующие) взрослеют

Nikolay A. GOLOVIN[1] *— Dr. Sci. (Sociol.), Professor at the Department of History and Theory of Sociology*
E-MAIL: n.golovin@spbu.ru
https://orcid.org/0000-0002-3595-2349

[1] Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article differentiates socialization experiences of young individuals belonging to four different generations and makes distinctions between socialization effects related to a set of age groups and factors of a particular historical period. The paper is based on the most complete empirical evidence describing happiness and life satisfaction levels in Russia drawn from ESS, a comparative cross-national survey, and uses regression analysis of spatial-temporal data. The findings obtained are compared with (1) the results of a study on subjective well-being carried out by the HSE Laboratory for Comparative Social Research which uses the World Values Survey data; (2) the results of HSE Monitoring of Economic and Health Situation in Russia; (3) the VCIOM data, and other studies thus enhancing reliability of the obtained results. Generations X (socialization in a crisis context) and Y (secondary socialization in the 2004-2014 period) and Generation Z which is admittedly in the making (their secondary socialization falls on 2014, a politically remarkable year, and the years that followed) are growing up in another social, economic and political reality affecting inter se differences in happiness and life satisfaction levels. The study investigates the state of happiness and its relationship both with social status characteristics of a respondent (education, income level, family) and respond-

в разных социальных, экономических и политических условиях, что влияет на различия между ними в показателях счастья и удовлетворенности жизнью. Раскрыта и проиллюстрирована связь состояния счастья как с социально-статусными признаками респондентов (уровень образования, доход, семья), так и с принадлежностью к условному поколению. На фоне более высоких показателей счастья молодежи, чем у старших возрастных групп, ее неудовлетворенность от не вполне реализованных социальных ожиданий возрастает. Обоснован вывод о том, что чувство недовольства в российском обществе будет нарастать.

ent's belonging to a generation. The discontent of young people, who show higher levels of happiness compared to other groups, about unrealized social expectations is growing. Thus, the authors conclude that a feeling of discontent in the Russian society will be rising.

Ключевые слова: молодежь, поколение, счастье, удовлетворенность жизнью, APC-Analysis, общественные изменения, российское общество, поколенческий анализ, ,

Keywords: youth, generation, happiness, life satisfaction, APC-Analysis, social change, Russian society, generational analysis, ,

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг».

Acknowledgments. The article is part of "Challenges of the welfare state transformation in Russia: institutional changes, social investment, and digitalization of social services" project (no. 19-18-00246) supported by the Russian Science Foundation.

Введение

На наш взгляд, важнейший индикатор общественного благополучия — уровень счастья. Это более значимый показатель состояния общества, чем доход или уровень ВВП на душу населения. Материальный достаток — далеко не все, что обусловливает состояние счастья. Богатство само по себе не делает человека ни счастливым, ни несчастным. Счастье имеет несколько важнейших детерминант: социальный статус, занятость и материальное благополучие, уровень образования, физическое здоровье и возраст [Козырева, Низамова, Смирнов, 2015]. Счастье — эмоциональная оценка своего жизненного положения, а удовлетворенность жизнью — рациональная. Оба показателя — интегральные характеристики благополучия общества, которые в России имеют не только возрастные особенности, но и поколенческие [Латова, 2016]. Поколенческие особенности

наблюдаются не во всех странах. Так, в странах Западной Европы благодаря устойчивому и непрерывному экономическому росту в условиях либеральной демократии последним поколением, обладающим поколенческим сознанием, считается поколение 1968 г., — поколение протестных молодежных движений конца 1960-х. В странах Восточной Европы (в том числе в восточных федеральных землях Германии) в 1990-х годах произошла смена общественных систем, и есть достаточные основания для различения поколений. В отношении России лучше говорить и писать об условных поколениях, так как однозначно зафиксировать поколенческое сознание удается лишь у интеллигенции 1960-х гг. (поколение шестидесятых) [Алексеева, 2006].

В российской социологии вышеописанные вопросы активно обсуждаются, но практически отсутствуют исследования, в которых бы анализировались различия в оценке удовлетворенности жизнью и счастья между возрастными группами. В исследованиях показателей счастья и субъективного благополучия наименее изученными остаются самые молодые возрастные группы. Целью данной работы является определение различий в значимости детерминант счастья разных поколений российского общества, а также оценка влияния различных факторов на субъективную оценку благополучия в условиях относительной стабилизации российского общества в начале XXI века.

Статья опирается на данные Европейского социального исследования (далее — ESS) за 2006—2016 гг. по России. Для выявления межпоколенческих различий субъективного благополучия применяются методы Age — Period — Cohort Analysis (APC-Analysis). Для оценки влияния на субъективное благополучие различных социально-статусных признаков респондентов (уровень образования, доход, семья и т. д.) используется метод регрессионного анализа.

В первом разделе изложены теоретические подходы к измерению названных характеристик, дается оценка факторов, влияющих на него. Кроме того, предпринята попытка дифференциации условных поколений российского общества с учетом различных точек зрения, существующих в социологической литературе. В следующем разделе охарактеризованы используемые данные и методы исследования. Затем приводятся когортные и возрастные различия в уровне субъективного благополучия (счастья и удовлетворенности жизнью) с акцентом на молодое поколение и описываются факторы, влияющие на него. Завершают статью обсуждение основных выводов исследования и заключение.

Теоретические и эмпирические основы исследования межпоколенческих различий в степени счастья и удовлетворенности жизнью

Важным показателем благополучия является его субъективная оценка (subjective well-being), включающая когнитивную и эмоциональную составляющие. Уровень субъективного благополучия можно определить, ориентируясь на объективные показатели: реальные доходы, уровень развития социальной инфраструктуры и проч. Зависимость между объективными и субъективными показателями имеет место, но носит неоднозначный характер: не всегда «в деньгах счастье».

Счастье и его показатели являются предметом междисциплинарного изучения. В данном исследовании динамики счастья разных поколений используются

данные Европейского социального исследования (далее — ESS) — межстранового сравнительного социально-научного проекта, в котором с 2006 г. участвует Россия[1]. В 2019 г. доступны для анализа данные девяти волн, в шести из которых представлено российское общество. При этом ESS является наиболее полным собранием данных о России в контексте сравнения с европейской динамикой. Оно охватывает продолжительный период времени, а его данные дифференцированы с шагом в два года, что пригодно для использования когортного анализа данных. Одно из направлений ESS — мониторинг счастья, субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, качества жизни.

Среди других мониторинговых опросов и индексов, оценивающих удовлетворенность жизнью в странах мира, можно отметить «Всемирное исследование ценностей»[2] с 1981 г., «Международный индекс счастья»[3] с 2006 г., «Индекс лучшей жизни»[4], рассчитываемый с 2011 г.

Несмотря на то, что проблемы оценки уровня и динамики уровня счастья, а также других показателей субъективного благополучия россиян находятся в центре внимания социологов, динамика межпоколенческих различий изучена мало. В связи с этим следует отметить работы Э. Понарина с соавторами [Ponarin, Komin, 2018; Foa, Inglehart, Ponarin, Karabchuk, 2018], в которых предпринята попытка анализа когортных и возрастных различий счастья и удовлетворенности жизнью в России по материалам Всемирного исследования ценностей и Европейского исследования ценностей, содержащих информацию о трендах счастья и удовлетворенности жизнью с 1990 по 2017 годы. Тем не менее поколенческий анализ в вышеупомянутых исследованиях не проводился.

При выделении поколений российского общества особенно важны 1985 (начало общесистемного кризиса) и 2000 гг. (выход из кризиса), рассматриваемые как переломные в новейшей истории страны и общества. Наличие «поворотов истории» — необходимое, но недостаточное условие формирования общественных поколений. Из исследований политической социализации, восходящих к В. Дильтею (1833—1911) и К. Мангейму (1893—1947), известно, что в общественно-политическом отношении вторичная социализация является определяющей для формирования социальных поколений общества. Чтобы появилось реальное поколение как общность, необходимы два условия: (1) общий опыт социализации в молодости (в так называемые формативные годы), который в случае «смены времен» будет различен у разных возрастных групп; (2) общая идентичность поколения, то есть символическое отграничение поколения от других возрастных и иных общностей, которое реализуется в общественной коммуникации и признается обществом, например — военное поколение. В случае недостаточных оснований для констатации второго условия можно говорить лишь об условных, а не о реальных поколениях. При таких критериях, а также с учетом разнообразия точек зрения в социологической литературе по данному вопросу [Радаев, 2019] и отсутствия

[1] Европейское социальное исследование в России // Институт сравнительных социальных исследований «CESSI». URL: http://www.ess-ru.ru (последний доступ: 20.02.2020).

[2] Online Data Analysis. *World Values Survey*. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp (accessed: 20.02.2020).

[3] Happy Planet Index. URL: http://www.happyplanetindex.org (accessed: 20.02.2020).

[4] OECD Better Life Index. URL: http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/life-satisfaction-ru (accessed: 20.02.2020).

самоидентификации поколений, ниже мы представляем четыре условных поколения, молодость которых пришлась на разные периоды новейшей истории страны.

1. *Советское поколение* (старшие возрастные группы 1964 г. рождения и ранее) пережило кризис 1990-х годов во взрослом возрасте (в 2016 г. — последний год сбора эмпирических данных, которым располагает ESS, — им уже 56 лет и более). У большинства таких граждан в определенной степени все еще сохраняется советская идентичность [Гудков, Дубин, Зоркая, 2008] в смысле К. Мангейма [Мангейм, 1998]. Примечательно, что исследовательский проект Ю. Левады «Советский простой человек», начатый в 1989 г., уже завершен [Советский простой человек…, 1993]. В данном исследовании специальное наименование данных возрастных групп, включающих молодежь советского времени, не дается. Наряду с советским поколением в новых исторических условиях можно различать и другие возрастные совокупности годичных когорт.

2. *Поколение X* — реформенное поколение, его период интенсивной вторичной социализации в молодости (возраст 20 лет) пришелся на системный кризис советского общества конца 1980-х — 1990-х гг., хотя у него не удается выявить, судя по исследованиям, особую кризисную самоидентификацию. Благодаря ясной возрастной группировке молодежи в системе школьного образования к данному условному поколению можно отнести годичные когорты 1965—1980 гг. рождения. В 2016 г. они достигли возраста 36—51 года и перешли в среднюю возрастную группу. Данная возрастная совокупность представляет собой молодежь поколения кризиса 1990-х гг. Они не принадлежат к советскому поколению, поскольку вошли в жизнь в годы перестройки и дальнейших общественных реформ.

3. *Поколение Y* — более поздние по году рождения совокупности возрастных когорт 1981—1994 гг. рождения, детство которых все еще приходится на кризисную смену общественной системы, а молодость — уже на относительно стабильные 2000-е годы. Данная совокупность возрастных групп — молодежь периода относительной стабилизации российского общества. В 2016 г. им исполнилось 20—35 лет.

4. Те возрастные группы, чей 20-летний возраст приходится на в определенной степени переломный в политическом отношении 2014 г. и последующие, ниже обозначены *поколением Z*. Его возрастные когорты родились в 1995 году и позже. Поколение Z отличается от других возрастных групп прежде всего социализацией в условиях стабилизации общества. Они другие. В этой связи стоит упомянуть исследование, исследованных по заказу Сбербанка «30 фактов о современной молодежи»[5]. В данном случае допущение о формировании поколения Z позволяет проверить, отличаются ли показатели счастья и удовлетворенности жизнью у возрастных групп, вступивших в молодость после знаменательного в политическом отношении 2014 г., от таковых у других поколений (ср.: [Радаев, 2019]).

Здесь уместно отметить, что понятия поколений X, Y и Z уже вошли в мейнстрим социологии. Они содержатся в классификации поколений, разработанной применительно к США в 1991 г. американскими учеными — демографом Нейлом Хоувом и историком Вильямом Шрауссом [Howe, Srauss, 1991, 2000]. Эти термины

[5] 30 фактов о современной молодежи // Сбербанк. 2017. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (последний доступ: 20.02.2020).

в некоторой степени заменяют соответствующую самоидентификацию поколений и направлены на установление межпоколенческих различий. Так, нет сомнения в том, что Y и Z — прежде всего «цифровые» поколения. Представители поколения Z пользуется цифровыми технологиями с малых лет. В гаджетах и информационных технологиях они разбираются лучше, чем в людях, не говоря уже об отсутствии опыта жизни при советском строе. Однако их поколенческие особенности не сводятся лишь к «цифровым» компетенциям — важны и другие социальные качества [Радаев, 2019].

Предварительный анализ уровня счастья и удовлетворенности жизнью в других европейских странах выявил несколько проблем российского общества. Во-первых, низкие уровни обоих показателей («счастье» и «удовлетворенность жизнью»), во-вторых, расхождение эмоционального и рационального отношения респондентов к своему жизненному положению в целом (см. рис. 1).

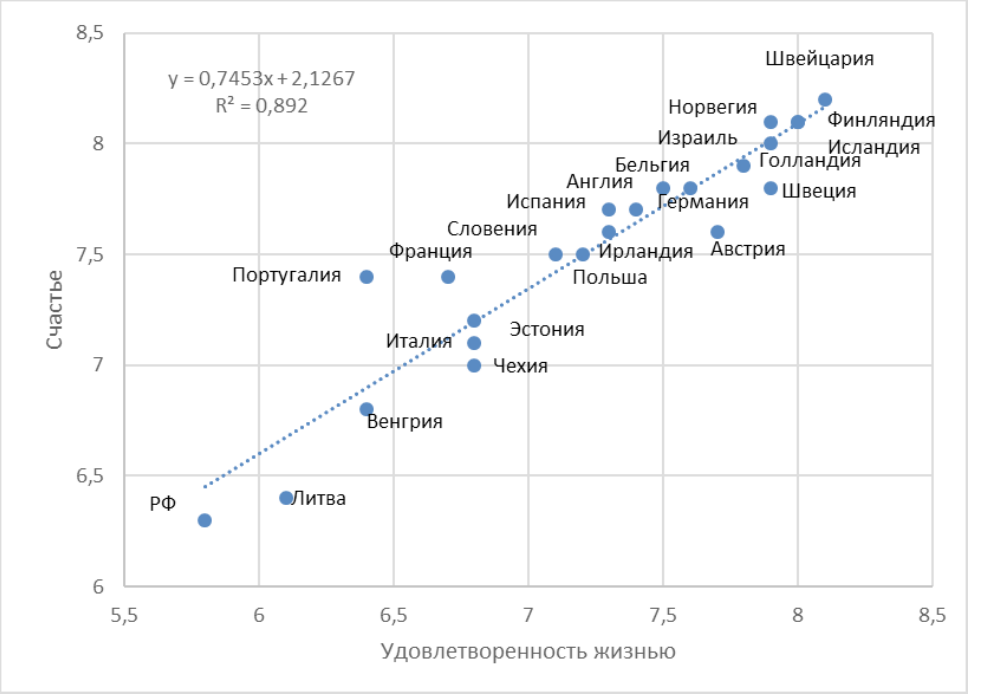

Рис. 1. Рассеяние средних показателей счастья и удовлетворенности жизнью по странам (2016). На шкале X диаграммы (оценка уровня удовлетворенности жизни): 0 — респондент полностью не удовлетворен жизнью, 10 — полностью удовлетворен. Шкала Y (оценка уровня счастья): 0 — респондент полностью несчастлив, 10 — абсолютно счастлив

Авторы не ставили своей целью анализ межстрановых различий в уровне субъективного благополучия и факторов, на него влияющих — это тема отдельного исследования. Из диаграммы следует, что Россия — самая несчастная, а Швейцария — самая счастливая из стран, охваченных ESS. Второе и третье места

в этом своеобразном рейтинге занимают Финляндия и Исландия. Соответствующие показатели у них практически одинаковы. Кроме того, видна сложная картина уровня счастья и удовлетворенности жизнью. Как правило, значение первого показателя выше, чем второго. Наибольший разрыв между ними во Франции (0,7). Россия (0,5) находится на втором месте. По мнению исследователей ВЦИОМ, с которым трудно не согласиться, несчастливыми россиян делают, в первую очередь, низкий уровень доходов, сложные жизненные обстоятельства, отсутствие уверенности в завтрашнем дне[6].

Согласно выдвигаемой здесь гипотезе, различия в субъективном благополучии в России зависят не только от известных детерминант счастья (степень реализации жизненных планов в целом, связь с классическими социально-структурными признаками — уровнем образования и дохода, с семейным и брачным статусом, включенностью в социальные связи), но и от принадлежности к поколению (когортам по годам рождения). Вместе с тем изменение общих условий социализации не отменяет влияния других характеристик — пола, уровня образования, места жительства и других. В данном исследовании учтены многие социально-демографические показатели путем включения их в регрессионную модель для того, чтобы выявить влияние принадлежности к поколению.

Эмпирические данные и методология исследования

Для выявления межпоколенческих различий в уровне счастья и удовлетворенности жизнью были использованы данные шести волн Европейского социального исследования, проведенных по общероссийской репрезентативной выборке в 2006, 2008, 2010, 2012 и 2016 гг. Уровни счастья и удовлетворенности жизнью в них измеряются по десятибалльной шкале, где 0 означает, что респондент полностью несчастлив и неудовлетворен жизнью, 10 — его обратное состояние. Установление различий в межпоколенческих трендах счастья и удовлетворенности жизнью выполнено с помощью APC-Analysis эмпирических данных. В нем различают три эффекта: (1) эффект возраста; (2) исторического периода и (3) когорты (принадлежности к определенному поколению).

К эффекту возраста относятся изменения в идентичности и мировоззрении, связанные с жизненным циклом респондента. Обычно такие изменения не связывают с конкретными историческими условиями, в связи с чем существуют достаточные основания абстрагироваться от последних. Эффект исторического периода обусловлен значимыми событиями и изменениями в условиях общественной жизни, влияющими на все общество, все поколения. В случае России это перемена общественных условий в результате кризисной смены общественных систем, переход к относительно стабильным условиям первых десятилетий XXI века. Наконец, когортные эффекты — это различия между возрастными группами, возникающие в результате приобретения уникального опыта по мере их взросления. Этот фактор остается значимым в силу «смены времен» в России, формирует различия между молодежью разных исторических периодов. APC-Analysis широко используется специалистами для исследования социальной динамики [Robinson, Jackson,

[6] Индекс счастья // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_schastya (последний доступ: 20.02.2020).

2001; Clark, Eisenstein, 2013; Ибрагимова, 2014; Алмакаева, Мавлетова, 2018]. При анализе взаимозависимости влияния трех факторов в рамках аддитивной модели — возраста, поколения (когорты) и исторического периода — трудноразрешимой проблемой APC-Analysis является «проблема идентификации» эффектов (identification problem), связанная с разделением влияния названных эффектов. Меж тем, существуют разные подходы к ее решению [Yang, Land, 2013].

В представляемом исследовании, как и у В. Радаева, использовался поколенческий подход. Исходной категорией здесь является поколение, включающее несколько когорт по годам рождения [Радаев, 2019]. Напомним, что речь идет о четырех поколениях: старшее (советское) поколение, а также поколения X, Y и Z. Старшее (советское) поколение выбрано в качестве референтного для оценки показателей счастья и удовлетворенности жизнью.

Переменная, описывающая исторический период, была дихотомизирована по году проведения соответствующей волны исследования. В качестве референтного был выбран 2006 год. Количественная переменная «возраст» (число полных лет) использовалась непосредственно. Далее применялся традиционный базовый подход, предложенный в свое время Мейсоном и коллегами, хотя и без ограничений [Mason et al., 1973].

Помимо переменных, описывающих эффекты возраста, исторического периода и поколения (когорты), использовались и иные контрольные переменные, характеризующие другие детерминанты счастья. Для анализа взаимосвязей между ними проведен регрессионный анализ с учетом его обсуждения в специальной литературе [Кэмерон, Триведи, 2015]. В нем помимо возраста, времени и принадлежности к поколению в качестве контрольных переменных использовались: пол (0 — мужской, 1 — женский); тип поселения (0 — село, 1 — город); среднедушевой доход (десятибалльная переменная, где 1 — принадлежность к первому децилю распределения доходов, 10 — к десятому самому высокому); субъективная оценка достаточности дохода (четырехбалльная переменная, где 1 означает, что респондент чувствует себя комфортно при его уровне дохода, 4 — что испытывает финансовые затруднения); образование (пятибалльная переменная, где 1 означает начальное образование, 5 — высшее образование); уровень религиозности (дихотомическая переменная, где 1 означает, что респондент верующий, 2 — нет); субъективная оценка здоровья (пятибалльная шкала, где 1 — очень хорошее, 5 — очень плохое здоровье).

Результаты исследования: детерминанты уровня счастья и удовлетворенности жизнью поколений

Воспользуемся данными ESS, чтобы определить, как повлияли социально-экономические условия начала XXI в. на удовлетворенность возрастных групп россиян своей жизнью и на их ощущение счастья. Из рис. 1 следует, что у респондентов в России самый низкий уровень счастья и удовлетворенности жизнью по сравнению с жителями других европейских стран, однако уровень счастья все-таки выше степени удовлетворенности жизнью. Несмотря на кризис 1990-х гг., повлиявший на жизненный опыт поколения X и старшего поколения, российские респонденты в целом скорее счастливы, нежели наоборот. Это подтверждается и результа-

тами опросов ВЦИОМ, согласно которым уровень счастья даже растет с 1990 г. и достигает максимума в 2019 г.[7] По данным ESS, уровень счастья российского общества в целом и удовлетворенности жизнью после 2014 г. имеет тенденцию к стабилизации. Колебания вверх или вниз их значений между 2012 и 2016 гг. (6 и 8 волны) статистически не значимо. Следовательно, на рациональном уровне в обществе растет осознание трудностей, но эмоционально оно пока скорее довольно своим жизненным положением, чем встревожено им (см. рис. 2).

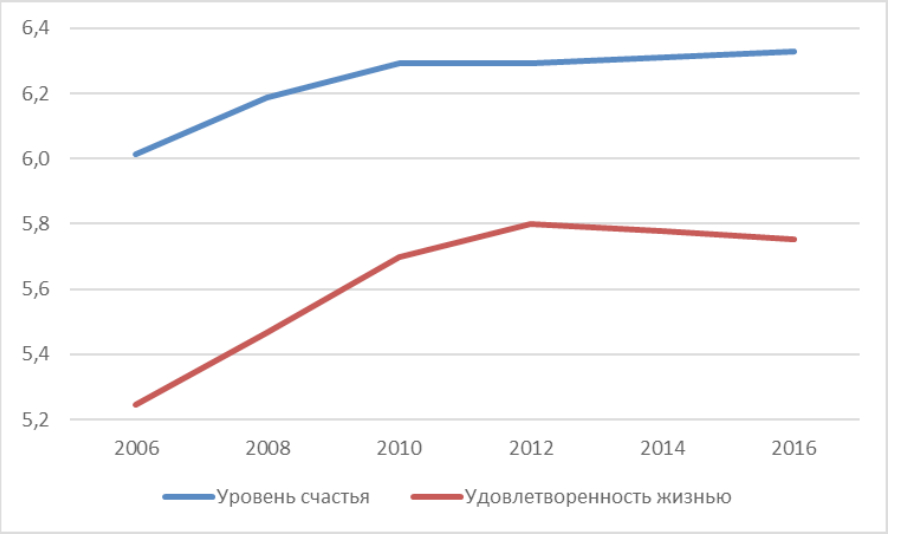

Рис. 2. Динамика уровней счастья (верхняя кривая линия) и удовлетворенности жизнью (нижняя кривая линия) в РФ

Прежде всего охарактеризуем общую динамику социального благополучия в целом и различных возрастных групп. Данная динамика имеет свою специфику для разных поколений (см. рис. 3 и 4). Тезис о том, что «старшее поколение, которое социализировалось в СССР и усвоило советскую систему ценностей, не очень понимало новую социальную, экономическую реальность»[8] и, соответственно, не чувствовало в ней себя счастливым, не находит подтверждения в данном исследовании. Более того, практически все самые богатые люди России — это бывшие советские люди (советская молодежь), хотя доля богатых в населении невелика. Для большинства старших возрастных групп почти два десятилетия относительной стабильности (2000-е и 2010-е гг.) сформировали определенную уверенность в завтрашнем дне. Сказывается их адаптация к своему социальному положению в капиталистическом обществе. Этому во многом способствовала в том числе и проводимая социальная политика в отношении пенсионеров. Так, размер пенсии не опускается ниже прожиточного минимума, а для неработающих пенсионеров последняя ежегодно

[7] Индекс счастья // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_schastya (последний доступ: 20.02.2020).

[8] Понарин Э. Чем измеряется счастье? // Российская газета. 2019. 28 мая. URL: https://rg.ru/2019/05/28/sociolog-izmerenie-schastia-pomogaet-poniat-uroven-razvitiia-obshchestva.html (последний доступ: 15.02.2020).

индексируется, предоставляются льготы и социальные выплаты. Возраст перестает быть показателем снижения активности и социально-экономического статуса. В СМИ продвигается и явно доминирует тренд на формирование нового стиля жизни старшего поколения, который отражает их основные потребности: поддержание здоровья, социальная вовлеченность, досуг и трудоустройство. Их социальные запросы соответствуют финансово-экономическим возможностям.

Рис. 3. Динамика уровня счастья поколений российского общества

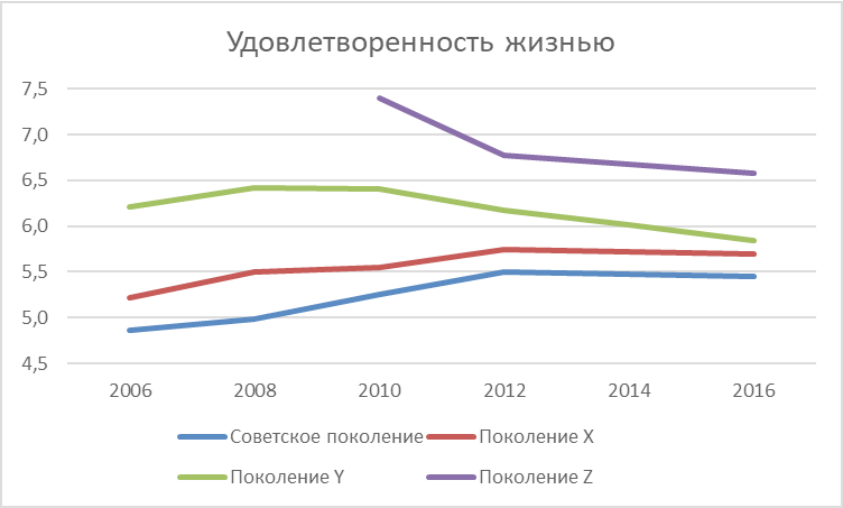

Рис. 4. Динамика уровня удовлетворенности жизнью поколений российского общества

Младшие поколения Y и Z (молодежь 2000-х) чувствуют себя более счастливыми и довольными жизнью, чем старшие поколения. У молодежи показатель счастья (по десятибалльной шкале) оказался довольно высок по всем шести волнам опроса. Молодежь в целом счастливее других возрастных групп, однако ее жизненные ожидания пока не перешли в стадию реализации и остаются идеалами. Гендерные различия не влияют на обобщенный показатель счастья. Поколение Z взрослеет в иных социальных, экономических и политических условиях, нежели поколения X и Y.

Показатели счастья и удовлетворенности жизнью поколений Y и Z выше, чем у старшего поколения. В связи с этим можно согласиться с мнением В. Радаева, что «миллениалы сравнительно больше удовлетворены своей жизнью, более оптимистичны и чаще считают себя счастливыми» [Радаев, 2019: 116][9]. Однако значения показателей субъективного благополучия молодых поколений Y и Z показывают явную тенденцию к понижению. Это может быть эффектом данных поколений. Они становятся менее счастливыми в силу утрачивания иллюзий молодости, попадания в менее благоприятные общественные условия социализации. Чувство общественного дискомфорта у них усиливается по мере снижения возможности реализовать свои ожидания от жизни в будущем, несмотря на социализацию в современных общественных условиях. Нередко они переоценивают свои компетенции. Они пытаются найти себя в новом обществе, к чему-то стремятся, но несоответствие действительности и желаемого ощущается ими особенно остро [Седова, 2019].

Самостоятельный интерес представляет собой анализ влияния возраста на уровень счастья и удовлетворенность жизнью (эффект возраста). Данная связь в развитых странах, как правило, похожа на параболическую кривую (то есть U-образная линия) [Родионова, 2015]. У молодежи уровень счастья и удовлетворенности жизнью довольно высок, но по мере столкновения с реалиями жизни постепенно снижается. Он достигает минимума в среднем возрасте (кризис среднего возраста) и начинает медленно расти в старших возрастных группах. Л. А. Родионова использовала данные ESS по 29 странам за 2012 г. для проверки данной зависимости. Ее эконометрический анализ данных показал, что зависимость показателей субъективного благополучия от возраста имеется, но носит неоднозначный характер. Она выделила три группы стран. В первой группе — например, в Норвегии — значения уровня счастья и удовлетворенности жизнью населения весьма велики и не зависят от возраста. Во второй группе стран (например, Франция) выявлена вышеуказанная U-образная зависимость. Для данных обществ характерен высокий уровень счастья и удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте. В третьей группе, к которой относится Россия, фиксируются более низкий уровень счастья и удовлетворенности жизнью, его снижение в зависимости от возраста. Лишь после 65—70 летнего возраста наблюдается лишь небольшой рост удовлетворенности жизнью [там же].

Наше исследование показало, что тренды в изменениях уровней счастья и удовлетворенности жизнью в различных возрастных группах после 2012 г. (предпоследняя волна сбора данных ESS) несколько изменились (см. рис. 5 и 6).

[9] Речь идет о поколении Y, но данный тезис можно распространить и на поколение Z.

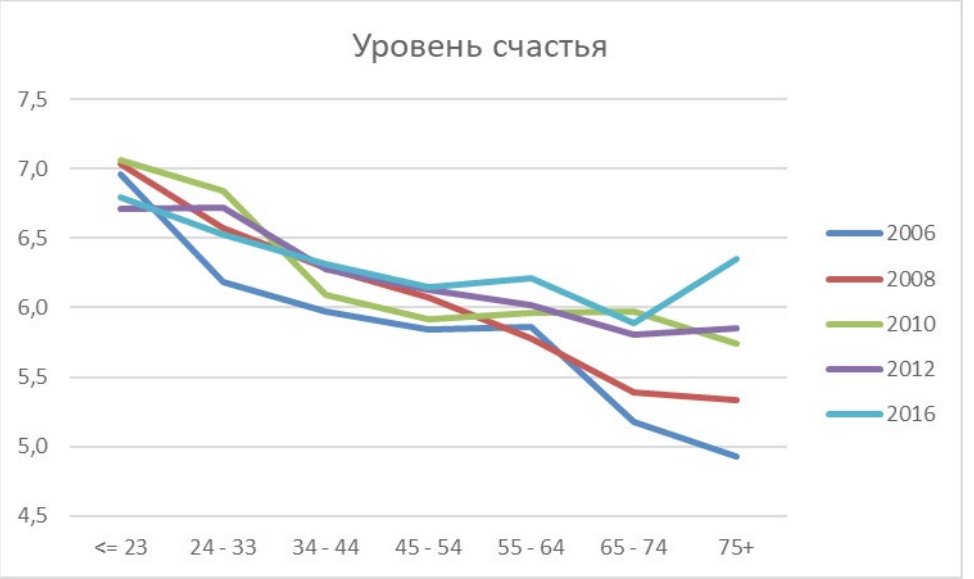

Рис. 5. Динамика уровня счастья в различных возрастных группах для разных волн ESS

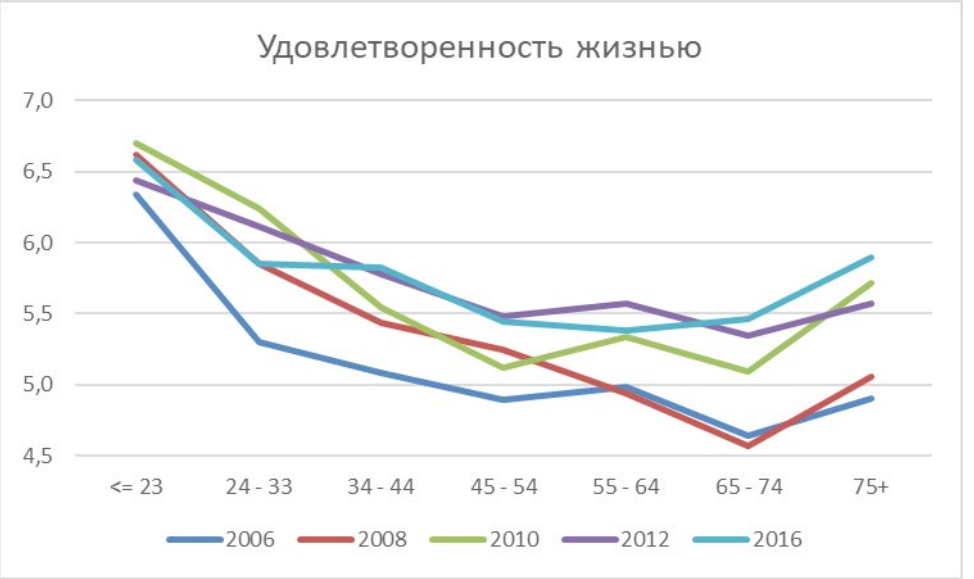

Рис. 6. Динамика уровня удовлетворенности жизнью в различных возрастных группах для разных волн ESS

Из указанных диаграмм видно, что после 2012 г. начинает расти не только уровень удовлетворенности жизнью в старших возрастных группах, но и уровень счастья, что не отмечалось в предыдущих волнах ESS. Форма зависимости напоминает параболу. Это связано с тем, что российское государство активнее проводит поддержку пожилых (пенсионеров). Для анализа влияния эффекта возраста, исторического периода и принадлежности к поколению, других социально-демографических факторов на удовлетворенность жизнью и чувство счастья использовался регрессионный анализ, который позволяет оценить влияние на рассматриваемые показатели как индивидуальных переменных (пол, возраст, доход, образование и др.), так и агрегированных, например, принадлежность к поколению, влияние исторического периода, года сбора данных (см. табл. 1). Первая модель раскрывает влияние описанных переменных на уровень счастья. Вторая — на удовлетворенность жизнью.

Таблица 1. ***Регрессионные модели влияния поколения, возраста и исторического периода на уровень счастья и удовлетворенность жизнью***

	Модель 1. Детерминанты уровня счастья		**Модель 2. Детерминанты удовлетворенности жизнью**	
Переменные	Счастье (0—10)	Стандартизированные коэффициенты	Удовлетворенность жизнью (0—10)	Стандартизированные коэффициенты
(Константа)	8,157*** (0,286)		8,757*** (0,310)	
Референтная группа: старшее (советское) поколение				
Поколение X	–0,078 (0,091)	–0,016	0,128 (0,099)	0,024
Поколение Y	0,289** (0,137)	0,059	0,642*** (0,148)	0,117
Поколение Z	0,504** (0,200)	0,048	1,164*** (0,217)	0,100
Референтная группа: 2006 г.				
2008	0,040 (0,054)	0,009	–0,004 (0,060)	–0,001
2010	0,045 (0,064)	0,01	–0,005 (0,070)	–0,001
2012	–0,114 (0,068)	–0,023	0,064 (0,074)	0,012
2016	–0,138 (0,074)	–0,026	0,131 (0,081)	–0,022
Возраст	0,005 (0,004)	0,043	0,014*** (0,004)	0,098
Пол	0,354*** (0,074)	0,082	0,306*** (0,052)	0,063
Тип поселения	–0,212*** (0,054)	–0,044	–0,300*** (0,059)	–0,056
Доход	0,053*** (0,011)	0,066	0,032** (0,011)	0,035

	Модель 1. Детерминанты уровня счастья		**Модель 2. Детерминанты удовлетворенности жизнью**	
Переменные	Счастье (0—10)	Стандартизированные коэффициенты	Удовлетворенность жизнью (0—10)	Стандартизированные коэффициенты
Оценка достаточности дохода	–0,389*** (0,033)	–0,146	–0,697*** (0,035)	–0,234
Образование	0,058** (0,021)	0,033	–0,019 (0,023)	–0,010
Религиозность	–0,027 (0,048)	–0,006	–0,133** (0,052)	–0,027
Здоровье	–0,610*** (0,036)	–0,221	–0,723*** (0,039)	–0,234
N	12275		12373	
R^2	0,109		0,153	

Данные ESS по России, волны 2006, 2008, 2010, 2012, 2016 гг.

Примечание. В скобках — стандартные ошибки. ***, **, * — статистическая значимость на уровне 0,1, 1, и 5 % соответственно. Прочерк означает, что уровень значимости превышает 5 %.

Модели, представленные в таблице, указывают на слабые связи между исследуемыми переменными, так как они объясняют от 7 % до 11 % дисперсии. На основе бета-коэффициентов (стандартизированных коэффициентов регрессии), которые показывают относительный вклад каждой независимой переменной в зависимую переменную, можно оценить силу влияния независимых переменных. Знак показывает характер влияния: положительный или отрицательный. Абсолютное значение — силу влияния.

В рассматриваемый период времени сбора эмпирических данных (2006—2016 гг.) влияние исторического периода на социальное самочувствие не подтверждается, что вполне ожидаемо, ведь условия периода до и после 2014 года изменились несущественно. Несущественно менялись и социальные настроения общества, о чем свидетельствуют замеры ВЦИОМ и «Левада-центра», хорошо известные заинтересованному читателю. Переменная исторического периода не оказалась значимой. Различия между поколениями хорошо объясняются скорее разными условиями социализации, нежели политическими событиями 2014 г., хотя Россия стала активнее отстаивать свои национальные интересы в мире, а в обществе усилились чувство гордости за страну, обращение к своей истории и культуре. Конфликт с Западом и антироссийские санкции оказывают противоречивое воздействие на общество. Однако пока еще особенности исторического периода и макросоциальные изменения не привели к «смене времен».

Построенные модели говорят о наличии существенных поколенческих различий. Они свидетельствуют, что чувство удовлетворенности жизнью возрастает от старшего поколения к младшему. Получается, что чем моложе поколение, тем ему комфортнее в обществе. Относительно счастья существенных различий между старшим поколением и поколением X не наблюдается, но поколения Y и Z счастливее, чем вышеназванные. Следовательно, молодежь, не имеющая советского опыта жизни, лучше адаптировалась к новым общественным капиталистическим

реалиям. При этом женщины оптимистичнее смотрят в будущее. Парадоксально, что уровень счастья и удовлетворенности жизнью у сельских жителей выше, чем у городских, хотя с экономической точки зрения люди там живут скромнее. Доход является важнейшей компонентой социального благополучия, но в данном случае важно его соотношение с уровнем материальных запросов населения. Это наглядно видно на рис. 7, отражающем связь между субъективным благополучием и доходом на уровне стран.

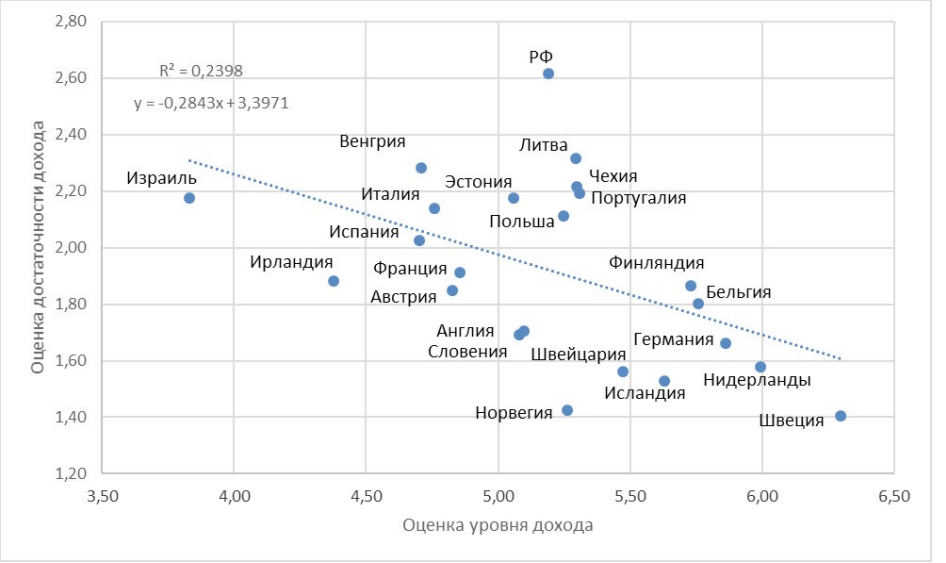

Рис. 7. Рассеяние средних показателей дохода и удовлетворенности жизнью субъективного благополучия по странам (2016). Шкала X диаграммы (оценка уровня доходов): 1 — респондент относит себя к 10 % самого бедного населения, 10 — к 10 % самых богатых. Шкала Y диаграммы (оценка уровня доходов): 1 — на доход можно жить без материальных трудностей, 5 — жить на такой доход трудно

Из указанной диаграммы видно, что, как правило, чем выше уровень личного благосостояния людей, тем оптимистичнее их оценки настоящего и будущего. Тем не менее имеет место расхождение между объективными и субъективными показателями уровня жизни, известное в литературе как парадокс Истерлина [Сальникова, 2017]. В России большинство возрастных групп относят себя к среднему классу, так же как и в Европе, но такая субъективная оценка оторвана от объективных показателей. Российскому населению доходов в целом хватает, но жить на них трудно.

Результаты нашего исследования показывают, что образование влияет на уровень счастья, но не на удовлетворенность жизнью. Различия между более и менее образованными имеет место: первые более счастливы. Образование дает людям (благодаря более высокому уровню человеческого капитала у его обладателей) возможность лучше адаптироваться к реалиям рынка труда и добиваться более высокой социальной позиции.

Согласно Э. Понарину, «в посткоммунистическое время к религии обратились те, кто изначально чувствовали себя несчастными. Таким образом, религия мало что добавляет к счастью»[10]. Религиозность коррелирует с удовлетворенностью жизнью. Верующие в большей степени довольны жизнью — у них есть Бог, который помогает и защищает. При этом чем старше поколение, тем более оно верующее и, соответственно, менее атеистическое. Меж тем, доля верующих среди молодежи не растет. Аналогичные данные приводит В. Радаев [Радаев, 2019].

Здоровье представляет один из интегральных показателей качества жизни и основную ценность в современном обществе. Здоровье (его субъективная оценка) является важнейшей составляющей удовлетворенности жизнью. Данный фактор — один из определяющих для рассматриваемых показателей, судя по результатам регрессионного анализа.

Выводы и заключение

Цель данного исследования состояла в том, чтобы выявить межпоколенческие различия в уровне счастья и удовлетворенности жизнью. Регрессионный анализ показал, что принадлежность респондента к разным условным поколениям (при контроле других факторов) действительно является одной из значимых детерминант социального благополучия. Старшее поколение, в котором превалируют предпенсионеры и пенсионеры, учитывая социальную поддержку со стороны государства, чувствует себя относительно комфортно, адаптировалось к существующей ситуации, по-своему приспособилось к новым экономическим реалиям. У поколения X наблюдается схожая динамика рассматриваемых показателей. Старшие поколения не «потерялись» в этой жизни: они более реалистично смотрят на мир и свои возможности. Показатели социального благополучия у них практически не меняются, в отличие от поколений Y и Z, у которых четко выражен рост неудовлетворенности своим положением в обществе. Меж тем, последние чувствуют себя в современном российском обществе комфортнее, нежели старшие поколения: они социализировались в условиях рыночной экономики. Но и этим молодым поколениям непросто найти свое место в обществе и самореализоваться в будущем. Особенно остро они ощущают дефицит исполнения своих жизненных ожиданий.

В какой-то степени тренд падения уровней счастья и удовлетворенности жизнью обусловлен жизненным циклом. Однако, на наш взгляд, его нельзя свести только к этому. На рациональном уровне в обществе растет осознание трудностей развития страны, однако большинство пока скорее довольно своей жизненной ситуацией, чем наоборот. Общество, включая молодежь, полагает, что страна движется в верном направлении. Ощущение тупика еще не доминирует, но у молодежи оно вполне может актуализироваться. Потому если негативные тенденции социально-экономического развития не будут преодолены в ближайшее время, это может усилить недовольство жизнью и протестные настроения в обществе, прежде всего в молодежной среде.

[10] Понарин Э. Чем измеряется счастье? // Российская газета. 2019. 28 мая. URL: https://rg.ru/2019/05/28/sociolog-izmerenie-schastia-pomogaet-poniat-uroven-razvitiia-obshchestva.html (последний доступ: 15.02.2020).

Список литературы (References)

Алексеева Л. М., Голдберг П. Поколение оттепели. М. : Захаров, 2006.
Alexeeva L. M., Goldberg P. (2006) The Thaw Generation. Moscow: Zakharov. (In Russ.)

Алмакаева А. М., Мавлетова А. М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 91—112. https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05.
Almakaeva A. M., Mavletova A. M. (2018) Modernization Process in Russia: Can We Expect the Shift to Emancipative Values? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 6. P. 91—112. https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05. (In Russ.)

Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. М. : Московская школа политических исследований, 2008.
Gudkov L. D., Dubin B. V., Zorkaya N. A. (2008) Post-Soviet Man and Civil Society. Moscow: The Moscow School of Political Studies. (In Russ.)

Ибрагимова Д. Х. Потребительские ожидания населения России (1996—2009): как взаимосвязаны когорты, поколения и возраст // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 24—69.
Ibragimova D. Kh. (2014) Consumer Expectations of Russian Population (1996—2009): How are Cohort, Generation and Age Related? Journal of Economic Sociology. Vol. 15. No. 3. P. 24—69. (In Russ.)

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 120—132.
Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. (2015) Happiness and its Determinants (Article 1). Sociological Studies. No. 12. P. 120—132. (In Russ.)

Кэмерон Э. К., Триведи П. К. Микроэконометрика: методы и их применения. Книга 2. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
Cameron A. C., Trivedi P. K. (2015) Microeconometrics: Methods and Applications. Volume 2. Moscow: RANEPA Publishing House «Delo». (In Russ.)

Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 — год бифуркации // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16—37. https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02.
Latova N. V. (2016) Russian Satisfaction with Life during the Crisis: 2015 as a Year of Bifurcation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 3. P. 16—37. https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02. (In Russ.)

Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7—47.
Mannheim K. (1998) The Problem of Generations. New Literary Observer. No. 2 (30). P. 7—47. (In Russ.)

Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1.
Radaev V. (2019) Millennials: How the Russian Society Changes. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1. (In Russ.)

Родионова Л. А. Возрастные особенности счастливой жизни в России и Европе: эконометрический подход // Прикладная эконометрика. 2015. Т. 40. № 4. С. 64—83.
Rodionova L. A. (2015) Age Characteristics of the Happy Life in Russia and Europe: The Econometric Approach. Applied Econometrics. Vol. 40. No. 4. P. 64—83. (In Russ.)

Сальникова Д. В. Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 157—174.
Salnikova D. V. (2017) The Reasons for Conflicting Results on the Relationship between Objective and Subjective Well-Being. Journal of Economic Sociology. Vol. 18. No. 4. P. 157—174. (In Russ.)

Седова Н. Н. Жизненный успех молодежи — от Москвы до самых до окраин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6. С. 505—529. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.26.
Sedova N. N. (2019) Youth's Life Success: From Moscow to the Outskirts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 6. P. 505—529. URL: https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.26. (In Russ.)

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред. Ю. А. Левада. М. : Издательство «Мировой океан», 1993.
Levada Yu.A. (ed.) (1993) Soviet Simple Man: The Experience of Social Portrait at the Turn of the 1990s. Moscow: "Mirovoy Okean" Publishing House. (In Russ.)

Clark A. K., Eisenstein M. A. (2013) Interpersonal Trust: An Age — Period — Cohort Analysis Revisited. Social Science Research. Vol. 42. No. 2. P. 361—375. https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.09.006.

Foa R., Inglehart R. F., Ponarin E., Karabchuk T. (2018) Set-Point Theory and Societal Collapse: The Case of Russia. Journal of Happiness Studies. Vol. 19. No. 6. P. 1639—1656. https://doi.org/10.1007/s10902-017-9888-4.

Howe N., Srauss W. (1991) Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company.

Howe N., Srauss W. (2000) Millennial Rising: The Next Great Generation. New York: Vintage Books.

Mason K. O., Mason W. M., Winsborough H. H., Poole W. K. (1973) Some Methodological Issues in Cohort Analysis of Archival Data. American Sociological Review. Vol. 38. No. 2. P. 242—258. https://doi.org/10.2307/2094398.

Ponarin E., Komin M. (2018) The Russian Elite's Imperial Nationalism and the Russian Society: The Emergence of a Grand Consensus. Sociology Compass. Vol. 12. No. 12. P. e12641. https://doi.org/10.1111/soc4.12641.

Robinson R. V., Jackson E. F. (2001) Is Trust in Others Declining in America? An Age — Period — Cohort Analysis. Social Science Research. Vol. 30. No. 1. P. 117—145. https://doi.org/10.1006/ssre.2000.0692.

Yang Y., Land K. C. (2013) Age — Period — Cohort Analysis: New Models, Methods, and Empirical Applications. New York: Chapman and Hall/CRC Press. https://doi.org/10.1201/b13902.